

Пролог

В летний теплый день более двадцати лет назад в Ленинградской клинике медицинских технологий лаборант отдела методов размножения Ольга Волкова прервала чтение романа «Анна Каренина» ровно на том месте, где героиня бросается под поезд. Вопросы любви и брака растревожили сердце Ольги — она как раз планировала связать свою жизнь узами семейных отношений. Возможность повторить судьбу покинутой женщины обеспокоила Волкову. Отметив закладкой страницу, она отложила книгу и позвонила жениху. Эдик считался достойным кандидатом для удачного замужества. Самое время поговорить с ним о будущем, прошлое обсуждать пока рано. «А то вот как бывает!» — думала Волкова об участии Карениной, волнуясь за свою. Назначив встречу через час в садике, перед памятником Екатерине Великой, девушка собралась и выпорхнула на улицу.

Профессор Бурликин, зашедший отчитать Волкову за грязную лабораторную посуду, беспорядочно брошенную в раковине со вчерашнего дня, увидел на столе оставленную книгу. Название бессмертного произведения Толстого чудесным образом изменило его настроение со скверного на замечательное. Он хмыкнул:

— Ого! — тут же выбежав из помещения.

Будучи немолодым человеком, профессор за секунды преодолел три пролета вверх по лестнице, вбежал в кабинет, который пропах спиртом и был завален научными приборами. Достал из холодильника штатив с раствором — плод профессионального труда ученого. Чувства мести и любви боролись в нем. Бурликин замер в раздумье — его пугал возможный результат. Через секунду он все же решил провести эксперимент. Протер руки

антисептиком, натянул резиновые перчатки, вставил пробирку в сложную центрифугу с манипуляторами. Алгоритм создания искусственной ДНК был загружен в установку заранее. Осталось совершить главное — внести в модель нового генома фактор случайности. Войдя в компьютерную программу, он добавил в строку «Прототип» имя — Анна Каренина. Вписать можно было кого угодно — Цезаря, Наполеона, Воланда или кота Бегемота. Но ученый решил возложить ответственность за создаваемое существо на Льва Толстого. Авторитет великого писателя оставался непререкаемым с XIX века.

Военное ведомство поручило разработать биологическую особь согласно техническому заданию. Требования предполагали ряд пожеланий, включая перенос головного мозга в нижнюю часть тела, проращивание четырех рук и исключительную способность к владению карате. Рисунки, вложенные в папку с документами, изображали нечто, одним видом способное обратить врага в бегство.

— Позвольте спросить, — поинтересовался профессор, когда ему вручили описание существа, — кто автор иллюстраций?

— Наш генерал! — гордо ответил представитель министерства обороны.

Дух милитаризма был чужд Бурликину — противнику эволюционного бунтарства. Поэтому он самовольно добавил фактор, который создаст неопределенную мутацию в геноме, и в итоге появится не биоробот, а... Пусть случай решит исход. Военных в известность ученый не поставил. Эволюция для них значила лишь победу на полях сражений. Они финансировали все, что ее приносило. В том числе — Клинику медицинских технологий.

Центрифуга закрутилась, цветные индикаторы установки замигали. Когда рука манипулятора выставила перед Бурликиным пробирку с раствором свекольного цвета с сильным запахом чеснока, он, удивившись, удовлетворенно наклеил на склянку стикер с надписью «Анна Каренина 2.0». Манипулятор спрятал результат в холодильник, налив профессору стопку водки «Живая радость». Тот до ночи просидел в лаборатории в философских размышлениях и легком алкогольном опьянении.

Недалеко от клиники, в Публичной библиотеке им. Ленина, рядом с памятником Екатерине, Эдик Михайлов — научный сотрудник Фонда восточных рукописей — скармливал в аппарат цифрового копирования ветхие манускрипты. Юноша мечтал посвятить жизнь изучению загадок рода людского.

Несколько дней он возился с глиняным цилиндром, содержащим шумерский текст. Бирка определяла его как памятник письменности VI в. до н. э. «Послание богов Шумера и Аккада к пророку Аввакуму».

Сотрудники библиотеки шептались, что этот артефакт — четвертый, последний сохранившийся экземпляр клинописи времен Кира Великого. Еще год назад он хранился в Британском музее, а теперь сокровище вернули в СССР по просьбе Персидской Советской Республики. Остальные три шумерских памятника истории разбились при перебранке советского разведчика с сотрудниками Британского музея.

Работу прервал звонок Оли Волковой — новой любви Эдика. Тон разговора указал на незамедлительность свидания. Молодой человек выключил сканер и убежал на встречу. Вернулся Эдик расстроенным. Оля задала вопрос, на который у него не было ответа.

— Надеюсь, решение есть у богов, — вздохнул юноша.

Помыслив отвлечься от сложных тем, он просмотрел откачанный материал.

Затем отправил текст в программу для перевода, но на экран вывалилась абракадабра: боги отказались дать ответ и расшифровать «Послание».

Сняв цилиндр с установки, похожей на опутанный проводами токарный станок, Эдик осторожно переложил его в пенопластовый чехол. Молодой человек счел, что с задачей лучше справятся электронные мозги квантового компьютера Пи, который находился в Москве, в университете Сколтех, и умел разгадывать лингвистические загадки. «Послание богов Шумера и Аккада к пророку Аввакуму» исчезло в недрах цифровых внутренностей Пи. На экране высветилась надпись: «Благодарим за обращение. Ваш вопрос очень важен для нас. Заявка поставлена в очередь». Подождав отчета, Эдик пожалел, что не сообразил ответить Вол-

ковой, как Пи. «Твоя голова уж точно не суперкомпьютер», — до-
садовал на себя юноша.

До конца рабочего дня оставалось время, Михайлов надумал
пробежаться по библиотеке, пообщаться с товарищами.

Вставая, Эдик задел футляр. Тот, вопреки сказочным закланиям,
не повис в воздухе, не загорелся мистическим пламенем, а буд-
нично упал на пол. Послышался неприятный хруст разбившегося
предмета. Где-то во Вселенной — в месте, куда переселился весь
шумерский народ, — раздался крик ужаса. Осколки древности ле-
жали у ног младшего сотрудника. Тот не читал ни одного произ-
ведения Толстого, но и ему пришла мысль, приведшая Каренину
к гибели.

Уничтожение глиняного цилиндра сильно повлияло на Ми-
хайлова, он решил покончить с карьерой. Разбирательство с
Олей, до этого — с Верой, еще раньше — с Сашей убедили его,
жизнь и в области отношений сложна не менее науки. Что тут
мечтать о разгадке тайн всего человечества. Юноша перебрался в
Ялту, устроившись грузчиком в пункт стеклотары. Эдик счастливо
проработал там до пенсии, оставаясь убежденным холостяком.

На досуге он скопил коллекцию пустых водочных бутылок, ко-
торую завещал Фонду культуры Организации Объединенных Ин-
дивидуальностей (ООИ). Особую ценность собранию придавала
поллитровка «Батька Махно» 1995 года выпуска Владикавказско-
го завода, не распитая в единственном экземпляре. Со временем
экспонаты потерялись из виду. Хотя, учитывая их ценность, они,
вероятно, находятся в одном из музеев мира.

Волкова в клинику не вернулась. Молодые люди покинули ро-
ман в самом начале. Но как камень, скатившийся с горы, может
вызвать цепь непредсказуемых событий, меняющих ландшафт и
судьбы людей, так Ольга воскресила Анну Каренину, а Эдик, хотя
погубил сокровище шумерской цивилизации, внес существенный
вклад в сохранение русской культуры и ее развитие.

Часть 1
АННА АРКАДЬЕВНА КАРЕНИНА.
ВОСКРЕШЕНИЕ

Глава 1

Воскрешение

Генеральная ассамблея ООИ — Организации Объединенных Индивидуальностей — доживала последние часы. По залу летали ботинки с приложенными к ним оскорблениями. Делегаты от стран давно сломали микрофон и нос председателю. Полиция бездействовала, ибо в зале буйствовали президенты с министрами, а за ними из отдельных пурпурных лож с бронированным стеклом наблюдали персоны из транснациональной элиты. Для анонимности они сидели в старинных рыцарских шлемах. Кто смотрел на битву народов, кто спал, свесив тело через поручень кресла, иные развлекались с мопсами на коленках или раздетыми юношами и девушками в ошейниках, украшенных драгоценными камнями.

После двадцатиминутной стычки немолодые участники ассамблеи, устав от потасовки, заключили перемирие для выяснения позиций сторон в кулуарах. Депутации разбрелись по ресторанам и барам. Там под звон бокалов или глухое постукивание рюмок, под смутные угрозы с заманчивыми обещаниями происходило деление мира. Неизвестные портные кроили планете новую одежду по своему усмотрению.

Прозвенел колокольчик. Делегации, подобрешие от выпитого и съеденного, потянулись в зал совещаний. Спикер — он же владелец сломанного носа — обреченно, но по-прежнему пытаясь сохранять достоинство, вышел к трибуне для обращения.

— Уважаемые люди и нелюди, однополые, многополые, бесполые. — Председатель осмотрелся, ожидая реакции на свои слова. Зал молчал. — Согласно волеизъявлению сторон, присутствующих на Ассамблее, я прочту резолюцию о делении мира.

Позвольте огласить... — Председатель откашлялся: — Манифест о разъединении человечества!..

В довольном коротком документе сообщалось о решении первых лиц поделить планету на три части, чтобы уменьшить объем взаимных претензий и споров. Увы, при текущем количестве стран достичь консенсуса не удавалось. А на троих всегда можно сообразить.

Государства, заседавшие в ресторане ADVICE & LOVE, оформились в Империю Добра, провозгласив Императором Волгина Леонида Ильича, действующего президента Советского Союза. При упоминании СССР в зале раздался гром аплодисментов и крики «ура!». Волгин — невысокий, круглолицый мужчина в темно-синем, безупречно сидящем костюме с красным знаменем на лацкане пиджака, привстал с места и в знак благодарности поднял руки, соединив их над головой.

Те, кто провел перерыв в пивной TOO MUCH & MORE, образовали Империю Любви во главе с господином, чье имя председатель не назвал, опасаясь выстрела снайпера. Однако, к удивлению присутствующих, некое лицо в доспехах, украшенных перьями алого-белого цветов, с накинутой на плечи черной мантией, поднялось с кресла. Послышались робкие аплодисменты. Рыцарь, слегка поклонившись, сел обратно, поправив ошейник на голом мужчине, лежавшем у его ног.

Государства, не прошедшие отбор в Империи Добра и Любви, образовали Землю Там. Этим завершилось деление планеты и существование ООИ. Председатель закончил речь словами:

— Да установится в мире Совет да Любовь, а Там хоть трава не расти. Заседание объявляется закрытым. Имущество организации предлагается к распродаже со скидкой пять процентов.

Председатель спустился с трибуны, скорым шагом покинул зал, скрывшись в неизвестном направлении с кассой и секретарем.

СССР как магнит притянул к себе дружественные народы и стал центром Империи Добра (не путать с Добротой). Союз жил — не тужил за счет газа, нефти, солнца, воды и ветра. Умеренно питался мясом, рыбой, закусками с черной икрой и квашеной капустой карри.

Империя Любви, исполненная чувством охраны животного мира, освоила производство продуктов питания и топлива из личинок жука-дровосека. Это было общество постлюдей: его отличала обязанность граждан делать ежедневные посты в социальных сетях. То, что раньше приносило удовольствие, обернулось тяжелым бременем. За отсутствие сообщений в лентах грозил срок в лагерях на рудниках Свободы с понижением в правах до человека или ниже — до трудового организма. В эволюционной шкале Любви люди стояли ниже шимпанзе. Экологический гедонизм диктовал приоритеты — любовь к природе и постсебе.

Противоречия между Империями были разительны: коллективизм противостоял индивидуализму. Но их объединяло одно: Империи Добра и Любви люто ненавидели друг друга.

Перенесемся скорей в СССР, в Столицу. Отечество держится на двух столпах — струнах, соединяющих Землю и Небо. Это известные здания Управления Мира и Порядка — две высоты. Они господствуют над всей, ставшей необъятной Москвой, ослепляя проходящих граждан зайчиками, играющими на гранях в солнечный день. В хорошую погоду небоскребы видно с Красной площади.

В учебнике за восьмой класс средней школы Империи Добра о них написано: «Весь земной Мир заключен в башнях-струнах. Если струны порвутся, Мир и Порядок разрушатся. Миллионы лет назад плоский диск Земли лежал на шести слонах, стоявших на панцире гигантской морской черепахи, которая плавала в Океане Плазмы. Слоны держались хоботами друг за друга, чтобы не упасть в штормовые воды первородной огненной жидкости. Когда один слон чихнул, а второй поскользнулся, узел сплетенных хоботов развязался, и Земля соскочила с их спин. Согласно гипотезе Мыльного Пузыря академика Виноградского, из диска планета стала шаром — см. рис. № 1. Океан Плазмы превратился в наклонную плоскость. Слоны, черепаха, Земля понеслись в Тартар (не путайте с блюдом французской кухни из учебника младших классов по кулинарии)». Далее сообщается: «Тогда ради Порядка были построены здания. Их вес, ширина и высота рассчитаны

так, чтобы планета катилась в Тартар медленнее, а лучше — совсем остановилась».

— Земля может снова стать плоской? — допытываются школьники.

— Конечно. Это называется планетный диск, мы изучим его позднее, — отвечает учитель. — Левая башня — это «Сегодня», правая — «Завтра». Между ними переход, он называется «Сейчас». Почему? Кто ответит?

Дети молчат.

— Переход используют сотрудники, которым велено сейчас же явиться к начальству. По первоначальному замыслу зданий планировалось три: «Сегодня», «Завтра» и «Вчера». Из экономии средств последний небоскреб строить не стали.

Учитель не рассказал детям всей правды. Проект башни «Вчера» закрыла правительственная комиссия, задавшаяся вопросом: «Зачем строить “Вчера”?» На месте здания разбили ухоженный цветник с красными маками и белыми ромашками. Его обнесли колючим шиповником. Креативный директор мэрии украсил клумбу женской скульптурой в форме знака вопроса. Получилось очень оригинально! Всем интересно, что было в прошлом, но иногда лучше не знать, — таким был аллегорический смысл композиции.

Учитель продолжает:

— Зачем Башни светятся разными цветами?

— Так веселее! — крикнет какой-нибудь школьник.

— Еще говорят, что цвет зданий — это инопланетные знаки, — скажет другой.

— Кто верит, что это инопланетные знаки?

Лес рук подтверждает худшие опасения учителя.

— Хорошо, не будем спорить. Есть приложение в Индексе — «ЦВЕТАБАШ». В нем можно наблюдать за цветами зданий и их значениями. Например, красный — цвет нашего флага. Еще на сайте можно делать ставки. Кто делает?

Дети снова поднимают руки.

— Кто выиграл?

Руки опускаются.

— Ну, у вас все впереди. Жизнь — лотерея, — вздохнет учитель.

Пусты ли Башни? О, разумеется, нет. Сразу после церемонии открытия в здания торжественно въехало Управление Мира и Порядка, специально созданное для функционирования Башен. Оно занимается не только ставками (это приносит доход казне): в Управлении следят за Порядком во всем Мире. Вы представить себе не можете, какой беспорядок творился до появления Управления.

Рядом с Башнями разместился главный корпус университета Сколтех. Построенный по типовому проекту храма Аполлона в Дельфах, он продолжил традиции древнегреческой архитектуры, так любимой в СССР. Аллеи, ведущие к зданию, были украшены скульптурами атлетов, бюстами выдающихся ученых, писателей Греции, Рима и Империи Добра. Перед центральной колоннадой корпуса стоял Пушкин: в одной руке он держал сборник стихов советских компьютеров, в другой, вытянутой вперед, — голубей. Птицы расхаживали по ладони в поисках рифм или хлебных крошек. Но кто же их туда положит? Статуя изображала Александра Сергеевича, желающего поскорее найти выход из места и времени, в котором он оказался. Ведь университет — это рай математиков, физиков, программистов. Даже искусственный интеллект, который писал художественную и техническую литературу, выпускал книги под псевдонимами, — назван именем поэта. Для студентов это было естественное объяснение, как памятник очутился здесь.

За храмом науки территория делилась. Часть принадлежала Сколтеху с учебными корпусами, другая — Имперскому Национальному Агентству Достояний, или Им НАДО, короче — НАДО. Владения НАДО были значительны, словно Агентству требовалось больше земли, строений, лесов и прочего для подтверждения своего выразительного названия.

НАДО подчинялось Управлению, занималось всем, что включалось в Реестр национального достояния. Ведомство подсчитывало: природные ресурсы, изобретения, памятники, население, таланты, возможно, даже воздух и молекулы с атомами. На любой вопрос — «сколько в Империи того-сего?» — НАДО давало полный, квалифицированный ответ.

Территория Управления, университета, Агентства с жилыми домами и общежитиями сотрудников со временем превратилась в город, который обнесли стеной. В народе его стали называть Крепостью Мирапорка или Кластером. Массивная крепостная стена портила имидж Москвы как открытого, гостеприимного мегаполиса. Но сохранение Добра — дело хлопотное. Москвичи привыкли к огаде, на возмущение гостей столицы о высоте укрепления пожимали плечами: «Жизнь есть жизнь. У нас в Москве так, у вас в Клинцах эдак. Для чего в Клинцах заборы? У нас, в Москве, — для сохранения богатств Отечества! А то, как унесут?» За Кластером начинался смешанный лес, а за ним — Москва, расчерченная асфальтовыми и рельсовыми скоростными трассами, нырявшими в туннели, взлетавшими на эстакады. Город, украшенный небоскребами и зелеными парками. Стольный град, красу которого ни в сказке сказать, ни пером описать.

Управление потребляло энергию от десяти сибирских атомных станций, но мощностей для учета добра не хватало. Через Агентство проходили огромные потоки информации. Граждане Империи с рождения соглашались на обработку данных (правда, их и не спрашивали), имели в Управлении цифровые аватарки, иначе — цифровки. Вот ребенок чихнет — забудет, а цифровка — запомнит. Если младенец болел больше положенного, родителей вызывали в цифро-комиссию: «Почему портите народное сокровище? Вам минус из заработной платы». Ежели ребенок был здоров, хорошо набирал вес, его цифровка учитывала это, родителям выписывалась премия. А случись в гражданине обнаружился талант, такой немедленно попадал в реестр НАДО. Электронный надзор за ним возрастал, потребление электричества увеличивалось пропорционально росту одаренных душ. Главный энергетик СССР Сидоров выступил на эту тему с докладом. Он сказал:

— Пока у нас больше энергии, чем требуется на человека, страна может позволить себе плодиться и размножаться. Но с каждым годом нас — то есть вас — становится больше, а энергии, следовательно, меньше. Постоянно нам — то есть вам — требуется больше атомных станций. Скажу прямо: нам необходимо найти источник энергии, желательно бесконечный. У меня все.

Если хотите, нам нужен Спаситель, но не с пустыми руками, а с электрическим генератором.

С этого выступления начался поиск Мессии. Церковная общественность, успевшая выронить из рук запутанную нить веры, обрела ее вновь. Над розыском Спасителя, борьбой с самозванцами стали трудиться церковные комиссии и НАДО.

Населенный пункт, примыкавший к Крепости Мирапорка, в старину звался — колхоз «Светлый Путь». Сегодня в нем проживали староверы. Те, кто верил в построение Коммунизма. Судя по росту деревни, таких становилось больше. Верующие перенесли сюда Мавзолей Ленина со своим религиозным культом и приходом. Поселок переименовали в Красную Лавру. Староверы, услышав доклад Сидорова по телевизору, вывесили на Мавзолее лозунг: «Коммунизм — есть советская власть плюс электрификация». Пророчество сбывалось: члены секты ожидали выхода Ленина с генератором. «Смеется тот, кто смеется последним!» — отвечали они скептикам. О том, что предсказание может осуществиться, говорил тот факт, что Владимир Ильич во время переноса Мавзолея пропал, многозначительно оставив на ложе разбитую лампу накаливания, прозванную лампочкой Ильича. Легенда гласила — перед возвращением Ленина она засветится.

И вот в этом прекрасном, чудном месте, златоглавой и краснознаменной Москве, с недавних пор жила Анна Каренина — прелестная девушка двадцати восьми лет с паспортом, медицинской картой, трудовой книжкой и котом. Одно важное уточнение: она была существом из пробирки профессора Бурликина, который, имея небиблейскую фамилию, превзошел Иегову в таланте. Неизвестно, как выглядела Ева, божественный «первый блин», но Анна, без сомнений, была той, кого воспел Соломон в «Песни Песней», глава 4, стихи 1—5: «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои — как стадо коз, сходящих с горы Галаадской; зубы твои — как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними; как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими; шея твоя — как столп Давидов, сооруженный для оружия, тысяча

щитов висит на нем — все щиты сильных; два сосца твои — как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями». Вот так, не меньше и не больше. Если сомневаетесь, посетите Ленинградскую Клинику медицинских технологий, на памятной доске вы увидите фотографию Бурликина с женой, чьей точной копией стала Анна, и узнаете о судьбе ученого.

В студенческие годы Бурликин был заядлым путешественником. Как все ленинградцы, бежавшие летом от сырой погоды на юг, он с гитарой и веселой компанией друзей исходил весь Кавказ. В причерноморском городке Гонию Бурликин встретил Медею — девушку неземной красоты, занимавшую, несмотря на юные лета, руководящий пост — мэра муниципалитета. Спев Высоцкого, Визбора и обещая золотые горы поэзии, он привез ее в Ленинград, где пара сыграла свадьбу. Тридцать лет чета прожила вместе. С течением времени статный, улыбчивый юноша превратился в лысоватого и располневшего мужчину, а жена оставалась двадцатилетней красавицей, которая насмешливо звала мужа папой. Заподозрив неладное, ученый взял образец ее крови, сославшись на эпидемию «прыщевой» лихорадки. Любовь превратила профессора в одержимого генетикой маньяка. В день полувескового юбилея Бурликина жена покинула его, обвинив в измене. С кем бы вы подумали? С наукой! Несмотря на абсурдность навета, благоверная исчезла в неизвестном направлении. В память о ней (возможно, в целях мщения) профессор создал Каренину из ДНК сбежавшей подруги. Вскоре ученый трагически погиб под обломками рухнувшей на него прогулочной яхты, так и не увидев свое творение — Каренину 2.0. в блеске юности. Но смеем заверить, Анна была точной копией жены Бурликина.

Вьющиеся каштановые волосы, правильные зазорные черты лица, рост 180 см при параметрах 95—59—95. Спортивное телосложение с длинными до бесконечности ногами и стремительным метаболизмом — никакие пирожные не страшны. (Чем Анна всегда с удовольствием пользовалась.)

Как ее сестры из пробирки, она получила известное звонкое имя, случайным образом выбранное Бурликиным. Но книжную Каренину с ее глупыми истериками Анна не выносила. До школы — пока не научилась читать — вполне терпела, подавленная

авторитетом Толстого. Потом же имя привязалось к ней и побегало впереди — вызывая любопытство. В итоге Анна назначила себя — истинной Карениной. Возможно, Лев Николаевич не разгадал тайну ее характера, поторопился сдать рукопись в печать. Нафантазировал о ней невесть что.

— Каренина?

— Да, та самая! — отвечала она.

— Вы читали... этого? — спрашивали при знакомстве.

— Этого? Читала, — уверенно утверждала девушка, зная, что в современном мире только она прочла роман.

— Вы смотрели сериал? А кино Бондаренко? Ваше мнение?

— Великолепно! Само совершенство.

Так отзывалась Анна о тезде, имея в виду прежде всего себя.

Появление Карениной на свет божий сопровождалось стрессом военного представителя. Ведомству показали двадцать новорожденных солдат, выращенных согласно техническому заданию.

— Тут написано: «Бесполоя особь». А ваши существа, как мне кажется, девочки! — Прибывший на приемку работы майор ткнул пальцем в новорожденных младенцев и в бумаги.

— Не факт, — мягко оспорил чуть вспотевший Бурликин.

Под потолком вокруг липкой ленты кружила толстая муха. Профессор, поправив очки в роговой оправе, вздохнул, поставив на нее свою судьбу. Противное насекомое решило рискнуть, сев на ловушку.

— Что же мы будем делать? — спросил военный. — Даже если ваши существа бесполы, в чем лично я сильно сомневаюсь, у каждого не хватает дополнительных рук.

— С руками действительно ничего не вышло, — попробовал возразить и одновременно согласиться Бурликин.

— Нам нужны солдаты. Посмотрим, какие результаты даст ваш эксперимент.

— При правильном воспитании из них выйдут отличные бойцы, — деликатно вступился за свою работу ученый.

— Это мы обеспечим.

Муха, издав вертолетный рокот, вырвалась из западни, со скоростью истребителя устремившись к открытому окну. Профессор выдохнул.

По просьбе Бурликина все девочки получили фамилию Каренина.

— Да, — кивнул майор, — это удобно для учета.

— Вы можете дать каждой имя, — предложил профессор.

— Занятно. Хорошо, пойдём по списку.

Майор взял в руки смартфон, набрал в поисковике «женские имена», попросив медсестру записывать под диктовку на подготовленных бирках.

— Итак-с, начнем: Анна, Анастасия, Алла, Алеа...

«Боже мой!» — про себя возмутился прямолинейному мышлению майора профессор. Когда все бирки были заполнены, офицер, сложив стопочкой, передал их Бурликину.

— А теперь, — майор хитро улыбнулся, — исполните роль Бога: дайте существам имена.

Бурликин начал надевать бирки на ручки девочек. Этикетку с именем «Анна» он откладывал на последний момент. Майор заметил это, а когда имя «Анна» осталось единственным, забрал бумажку.

— Этот солдат назначается Анной! — сказал военный, надев малышке бирку «Анна Каренина».

Бурликин, майор и медсестра посмотрели на ее ручку так, словно мир посетило чудо.

— Как вас зовут? — спросил майора Бурликин.

— Адам Моисеевич.

— Весьма символично, — многозначительно произнес профессор.

Медсестра перекрестилась.

Анна любила вспоминать веселое, беззаботное детство. Сестры были похожи друг на друга как капли воды. Они жили и учились в пансионе воспитанниц Министерства обороны СССР в Ленинграде. Летом выезжали в спортивные лагеря на Север. Помимо обычных предметов, девочек обучали военной подготовке и карате. После пансиона всех определили в Военную Академию благородных девиц на факультет бистрикуалистики — изучать сущность компьютерных сетей, их свойства, виды и обитателей. Потом они прошли курс повышения квалификации. К оконча-

нию учебы девушкам было по двадцать шесть лет, все имели звание капитан Вооруженных Сил Империи.

Бородатый и прихрамывающий на правую ногу, куратор курса называл себя Дядькой Черномором, сожалея, что у него на потоке не тридцать три, а всего двадцать курсантов. На выпускном построении он выдал сестрам золотые дипломы — это подчеркивало статус Черномора, как идеального педагога. Но Анне достался обычный зеленый.

— Анна! Кто-то должен быть царевной-лягушкой. Специально даю диплом зеленого цвета, чтобы в этой жизни вам повезло больше, чем в прошлой.

— Я это запомню, товарищ начальник, — расстроено ответила Анна.

Вместе с дипломом Каренина получила сразу три хороших, по словам Черномора, варианта распределения:

Финская губерния — пост пропуска электронных сообщений недалеко от Иматры;

Могадишо — Центр управления головой президента;

Аль-Бион — специальная служба сотрудничества, то есть контрразведки и диверсий.

«Почему бы не Аль-Бион?» — подумала Каренина. Но Лондон, столица Империи Любви, имел весьма дурную репутацию. После Славной Революции гопников — перехода власти в руки индоазиатских группировок — он пользовался славой города, перепачнанного анархией и химическими препаратами, местом оргий и шабашей. Викторианский шарм туманных грез исчез. Лондон неподражаемого Шерлока Холмса и доктора Ватсона, Альберта и Виктории растворился в дымке прошлого. Миру осталось преступное сообщество Джека Потрошителя.

— Нет ли у вас места вроде Москвы? — на всякий случай переспросила Анна, решив, что Аль-Бион подпортит имидж царевны, а у Черномора перед ней образовался должок.

Если вы родились в Ленинграде, вам не нужно объяснять, почему ленинградцы мечтают переехать в Москву.

— Стремление жить в Москве, — вздохнув, сказал Черномор, — одна из особенностей ленинградского характера, рудимент не-

ненависти к пасмурной, дождливой погоде. Мы с вами земляки, я вас хорошо понимаю.

Куратор задумчиво взглянул на Каренину. Та прямо посмотрела в ответ. Этому взгляду Черномор противостоять не мог.

— Хороший ты солдат, Каренина. И глаза у тебя хорошие. Зря я дал тебе зеленый диплом... Зря! Ладно, обмозгую.

А через три дня он принес ей новость:

— Есть для тебя вакансия!

Добытое место стоило ему дорого. Он был офицером, высоко ценил честь, не привык просить привилегий для себя и других. А тут — звонил, упрасивал, дошел до генерала Сычева — боевого товарища по конфликту на озере Виктория, которого вынес буквально из-под носа разъяренного носорога. Однако генерал словно забыл об этом.

— М-да, — протянул он. — Тебя, Черномор, я не помню. Видать, спас ты моего однофамильца... Но за это спасибо. Выделю для тебя одну вакансию в столице. Люблю бесстрашных и бесшабашных! Если бы все у меня в Управлении были такие, как ты!

Офицер удивился этим словам:

— Благодарствую, товарищ генерал. Служу Советскому Союзу!

— Служи! Но больше не звони.

Генерал, конечно, помнил Черномора, но высокая должность мешала в этом признаться. Однако в благодарность за спасение просьбу исполнил.

Через несколько дней на утреннем построении курса Черномор прощался с выпускницами. С грустью осмотрел стоявших в ряд по стойке «смирно» девушек.

— Ну, Каренины два точка ноль. Пришло время расставаться. Выросли вы из подгузников. Будь я помоложе, женился бы на каждой из вас. Поэтому о вашей женской доле не беспокоюсь, скорее завидую ей. Если кто назовет вас козьянками из пробирки, двиньте ему куда следует. Этому я вас научил.

Черномор подошел к каждой и всем нашел что пожелать.

Альпине сказал:

— Не оплошай, Альпина!

Агриппине пожелал:

— Агриппина, не оплошай!

Анне молвил:

— Не подведи меня, Анна! Вот тебе направление на соискание должности в Управлении Мира и Порядка в Москве. Пройдешь испытание — будешь жить и работать в столице. Пиши, не забывая.

Он обнял ее, потом каждую из сестер по очереди.

— Вольно! Разойтись собираться.

Скупая мужская слеза скатилась по щеке Черномора. За эти годы он сроднился со своими «пробирочными козьявками», и вот они покидают его. После Дядька ушел в отставку, написал трактат «Использование стрелкового оружия при информационных атаках». Книга получила высокую оценку в ученых кругах — была отмечена Ленинской премией.

Так Анна оказалась в Москве. Голубое бездонное небо с устремленными ввысь башнями — вот они, перед ней.

В башню «Сегодня» вели центральные, парадные ворота Santa Porta. Их доставили из Ватикана в подарок президенту СССР от Папы Римского отца Сергия. Они всегда были открыты, но перегородены бархатной красной кордой. Посетители, следуя указателю, использовали служебный вход. Парадная арка предназначалась для особо важных иностранных гостей, посещение Управления которым строго запрещалось.

В XXI веке, когда пресса шумела о приближающемся апокалипсисе, в канун католической Пасхи для желающих обрести спасение, ворота Santa Porta в соборе Святого Павла распахнули. Согласно преданию, каждый, прошедший через них в последние дни мира, обретал блаженство на небесах. Это соответствовало представлению горожан об отдыхе на тропических островах по системе «все включено». Поэтому к собору потянулось великое множество людей с багажом, пляжными принадлежностями и даже лежаками, чтобы не платить в Раю за их аренду. Входящие наполняли залы, отказываясь их покидать. Помещения раздулись, перекрытия зашатались и обвалились, для многих действительно наступил конец света. Собор рухнул. Врата остались открытыми, даже неповрежденными. Такой явилась воля Божья! Новый Папа, назначенный из Москвы, предположил: отныне путь на небеса

открыт всем. Santa Porta перенесли из Империи Любви в Империю Добра — как подарок от благодарных римлян президенту СССР за то, что атомная бомба для Италии осталась на сибирском складе. Президент Волгин, дабы не оказаться на облаках раньше времени, при посещении зданий Мира и Порядка использовал всегда служебный вход.

В центральной зале башни «Сегодня» на мраморной, натертой до блеска поверхности пола сверкала золотая надпись: «МИРУ ПОРЯДОК СЕГОДНЯ!» К слову сказать, на мозаике в соседнем здании выложено: «МИРУ ПОРЯДОК ЗАВТРА!» Но входа в «Завтра» со стороны улицы не было. Эта задумка имела аллегорический смысл, поэтому никем не оспаривалась. Проход в «Завтра» — в виде перемычки между зданиями — находился на шестьдесят девятом этаже. Архитектор на вопрос Командования «Отчего вы решили разместить переход именно на шестьдесят девятом этаже?» молчал как партизан. Этаж был переименован в «Сейчас».

Круглый, соборной высоты холл здания «Сегодня» производил на входящих незабываемое впечатление. Центральный купол залы был расписан советским художником с мировым именем — Шмякиным. Заказ требовал от мастера осветить на фресках исторические эпизоды, связанные с победами и изгнанием врагов за пределы Отечества. Однако живописец, оставленный без надзора со стороны Министерств обороны и культуры, Следственного Комитета, выдворенный из квартиры женой, нашедшей в собственной кровати творца на натурщице, широко осветил темы изгнания в росписи купола.

Подражая Микеланджело, он изобразил выдворение Адама и Евы из Рая. На фреске Змий шарфом обвил шею женщины, а Адам доедал яблоко с Древа познания. В Еве угадывалась супруга художника, Змий исполнял его желание ее задушить.

Другие сюжеты были посвящены бегству евреев из Египетской Народной Республики, французов с коньяком и фуа-гра из Москвы, Чубайса с группой нагих мужчин — за Садовое кольцо и далее за Евфрат. При этом на шпиле Кремлевского дворца рабочий с крестьянкой снимали радужный флаг, меняя его на красный. Садовое кольцо было написано крепостной стеной с полосатой бело-черной калиткой, у которой стояли двое часовых:

один с винтовкой, другой — с ключом. На ней висела табличка «Пива нет». Она плохо читалась снизу, так Шмякин из злорадства отобразил то, что постоянно видел в столовой № 17, куда бегал обедать.

Коллегия, принимавшая работу, долго рассматривала живопись, не решаясь высказать точного суждения.

— Вы просили затронуть тему побед и изгнания врагов. Вот, так сказать, в аллегорической форме, — убедительно пояснял им Шмякин.

В этот момент мимо членов художественного совета проходил генерал весьма представительного вида. Председатель комиссии осмелился спросить его мнение о творчестве мастера.

— Мура! — ответил военачальник, потом взглянул на потолок и ушел по своим делам.

Из уважения к мнению генерала Шмякин был уволен из Академии Художеств СССР под общее молчание при всеобщем одобрении, но фрески оставили. Руководитель Академии получил орден «За заслуги перед Отечеством» за роспись и новое прочтение сюжетов. Живописец, подобно Монферрану, творцу Исаакиевского собора в Ленинграде, прожил жизнь, алкогольно запутанную. Его последний шедевр — автопортрет — был замечен в Доме культуры сталеваров в городе Аша на Урале. Шмякин выходил из морской пены в образе Венеры, покоряя мир красотой. Сталеварам работа понравилась. Особенно грудь богини. Далее след Шмякина на Руси терялся.

Из Ленинграда военный экраноплан доставил Каренину на вертолетную площадку Управления. Солнце приветствовало молодого капитана. Легко поднявшись по массивным ступеням, она, следуя указателям, оказалась в парадном холле башни «Сегодня». В руках девушка крепко сжимала — лакированный чемоданчик с подписанной наклейкой «А. А. Каренина» и направление на собеседование. В одной из ниш виднелась вывеска «Бюро пропусков». Анна пересекла зал, подошла к окошку, украшенному в русском стиле — с резными ставнями из мрамора. Перед ней двое военных оформляли документы. Когда подошла очередь, Анна сунула в проем бумаги, полученные от Черномора. Их приняла женщина в строгом костюме с двумя орденами Почета на груди и сложной

прической высотой в полметра с красной звездой на вершине. Прочитав командировочное удостоверение, она с интересом взглянула на девушку.

— Анна Аркадьевна? Это вы? Уже всех видела: Собакевича, Тараса Бульбу, полковника Исаева, но Каренину не доводилось. Знаете, все они были из Ленинграда

Каренина в ответ только вздохнула:

— Ленинград — культурная столица.

— Вы к нам на собеседование?

— Пока да.

— Желаю успеха. Но если что — последний электропоезд из Управления в Москву уходит в одиннадцать вечера.

— Надеюсь, не понадобится, — ответила Анна.

— Ваш пропуск. — Сотрудница невозмутимо протянула картонку с заполненным чернилами формуляром. — Сначала временный. Идите на пост правее, к часовому. Вас встретят.

Теперь женщина в орденах старалась казаться доброжелательной. Анна посмотрела в указанном направлении. Молоденький солдат с «калашниковым» последней модификации наблюдал за ее ногами с того момента, как она появилась в здании.

Взяв пропуск, Анна тут же испачкала чернилами ухоженные пальцы. «Ах ты мелкая паскудница!»

Женщина в бюро сделала вид, будто ничего особенного не произошло. Просто такова традиция: по перепачканным пальцам местные понимали: перед ними командированные.

— Следующий!

Анна отошла. Сейчас ей нужна уверенность в себе, без скандалов. Она прошла к часовому, протянула пропуск. Солдат набрал по телефону начальство. Получив распоряжение, сообщил:

— Оставьте личные вещи и средства связи. Вас проводят.

Часовой указал на гору рюкзаков с чемоданами, громоздившуюся перед постом. Скоро появился офицер. Автомат Калашникова показал провожатому на Каренину.

— Капитан Каренина. Давайте ваш пропуск. Следуйте за мной.

Как долго ее водили по лифтам и коридорам. Наконец блеснула настенная табличка с должностью, званием, фамилией: начальник кадрового отдела генерал-полковник Сычев Андрей Ан-

дреевич. Дверь выглядела солидно, как и надпись на ней. Однако офицер открыл неприметный конторский шкаф рядом:

— Проходите.

Военный пустил Анну вперед. Девушке пришлось пригнуться, чтобы не удариться о косяк. Офицер ступил следом, закрыл проем. В темноте загорелся зеленый глаз электронного устройства, просветившего посетителя. Отодвинулась тяжелая перегородка, пригласив в следующее помещение.

— Ждите здесь. Вас вызовут, — распорядился офицер и исчез. Как, куда? Скоро Анне надоело осматриваться вокруг. Ее оставили в холодном просторном кабинете с массивной кожаной мебелью. Окна плотно зашторены. Освещение тусклое. Часов здесь не было, Анна не понимала, сколько времени прошло. Она сидела на диване, стараясь держать осанку. Вдруг, когда тишина стала особенно гнетущей, кто-то фамильярно похлопал ее по плечу. Анна резко обернулась: никого, только пухлая подушка дивана и стена за ней. Может, почудилось от волнения?

Но так повторилось дважды. В третий раз она успела уловить постороннее движение. Зеркал в помещении не было, но Анна заметила отражение в бронзовой дверной ручке, отполированной многочисленными касаниями.

Да это человек! Он прятался за диваном. Видимо, спецконструкция, мебель для проверки новеньких. «Ну погоди у меня!» Анна сосредоточилась на ручке. Через некоторое время из укрытия появилась рука, за мгновение до прикосновения Каренина плавно ускользнула — переместилась на соседнее кресло, постаравшись со всей силы толкнуть злополучный диван.

Эффект превзошел ожидания: таинственный невидимка потерял равновесие и выпал из убежища на пол. Анна удивленно разглядывала добычу. Молодой человек в форменной рубашке с погонами старшего лейтенанта стремительно краснел. Поднявшись, парень неловко молчал. Высокий и коренастый, с вихрастыми светлыми волосами, постоянно отбивающий странный такт ногами, он был похож на шкодливого подростка, но не офицера Управления.

— Вы идиот? — прямо спросила девушка. — У вас все время так? Или только сегодня?

— Все время, товарищ капитан.

— Обнадёживает.

Тут из громкоговорителя, закрепленного на стене, прозвучало:

— Сычев! Проведите кандидата на собеседование.

Одна из тяжелых дверей открылась.

— Проходите, — пригласил юноша, устроившись за рабочим столом приемной. Настроение у него заметно улучшилось. Затянувшееся детство — замечательная пора.

Анна вошла. Она увидела темный длинный зал для совещаний с рядом высоких занавешенных окон, через которые с трудом проникал свет.

По центру тянулся стол, на противоположной стороне которого сидел человек. Анна могла разглядеть только его силуэт, так далеко он находился.

Каменный голос, многократно отраженный эхом, произнес:

— Мы не принимаем соискателей женского пола, тем более с зеленым дипломом.

Каренина молчала. Она была женского пола, с дипломом, если учесть оттенки корочки, болотного цвета. Но никак не зеленого.

Неожиданно человек из-за стола смягчился:

— Я прочел вашу характеристику. В ней сказано: вы Анна Каренина, ваш пол женский, у вас зеленый диплом, вам двадцать шесть лет. Вы окончили пансион воспитанниц Министерства обороны в Ленинграде, Военную Академию благородных девиц, а также курсы высшего офицерского состава. Ваш выпуск — двадцать курсантов с одной генетической платформой. Вы учились восемь лет. Вам присвоено звание капитана. Вы экспериментальный образец.

— Точнее выразиться — экспериментальный человек.

— Вот здесь написано: «специальность би-би-сти-ка... Это что? Анна поискала ответ на потолке, но тщетно.

— Стрелять умеете?

— На отлично, товарищ генерал.

— Этого достаточно. Уметь стрелять — достояние старой школы. За вас просил уважаемый человек, дал лестные отзывы о ваших способностях. Уж не знаю, какие они... Вы хотите работать у нас?

— Так точно!

— Попробуйте!

Фигура поднялась из-за стола. Анна подошла к моложавому, средних лет человеку в генеральских погонах. Каренина не моргая заглянула ему в глаза.

— Ну что ж... Сычев Андрей Андреевич, рад познакомиться с вами, — вопреки строгому тону, в глазах генерала плясали искорки добродушия.

Генерал протянул ладонь. Каренина ответила на приветствие рукопожатием.

— Крепкая у вас рука, — похвалил Сычев-старший, и обратившись к сыну, добавил: — Направьте кандидата в группу Тактика № 5. Там снесло голову руководителю — несоблюдение техники безопасности. Военный должен быть готов умереть в любой день, час, минуту. — Сычев сверился с наручными часами: — И секунду! Работа руководящая, но ответственная. Шаг влево, направо, назад — расстрел. Ясно. Согласны?

— Расстрел в прямом смысле?

— Иногда в прямом. Идите! Хотя постоит, — Андрей Андреевич посмотрел на Анну, потом на старшего лейтенанта, подумал и произнес: — Пожалуй, нет. Анна Аркадьевна, вы назначаетесь руководителем группы № 2. А вот этот молодой человек поступает в ваше подчинение. Нечего ему в секретарях сидеть.

Когда Каренина вышла, юноша выдал ей красную папку с надписью «Пошаговая инструкция соискателя на должность».

— Тут схема движения по кабинетам и формуляры. Заполните их позже, потом отдадите в бюро пропусков. Теперь ваше лицо — пропуск в охранный периметр. Вот ключи от квартиры. Адрес в папке. Я провожу вас до нового дома. Подождите секундочку.

Молодой человек вернулся в кабинет. Пронесся вдоль зала.

— Папа, она ангел!

— С чего ты взял? Скорее черт в юбке. Но нет худа без добра, может, женишься наконец.

Когда сын захлопнул за собой дверь, Сычев-старший взглянул на икону Николая Чудотворца, стоявшую на полочке, перекрестился.

— Технологии, так перетак!

Его сын орлом вылетел из кабинета. В полете он вспомнил фильм Бондаренко:

— Называйте меня Вронским, — Алексей похвастался эрудицией.

— Вронский погиб! Но, знаете ли, оказался подлецом.

— Да, неожиданно. Роман никак до конца не прочту. Тогда зовите просто Алексеем.

— Алексеем Андреевичем?

— Тот самый. Я старший лейтенант Сычев Алексей Андреевич. Как вы догадались?

— По руке.

Алексей Андреевич осмотрел руку.

— Отцовская рука, видать издалека, — съязвила Каренина. — Хотела спросить. Почему мне сразу же выделили собственную тактическую группу?

— Руководству виднее. Пойдемте, я покажу хозяйство.

Анна удивилась назначению. Эффект царевны-лягушки. Из пешки сразу в дамки. Здорово!

Через проход в книжном шкафу они вышли в Центральный зал, он располагался за поворотом недлинного коридора.

— Какой ваш адрес? Позвольте бумаги.

Он выхватил папку из рук Карениной, нашел какой-то желтый листок.

— Так-с. Адрес места жительства: Левый переход, дом 14, квартира 23. Мы соседи: моя квартира над вами — 28.

«А папа у меня, оказывается, не дурак», — довольно подумал Сычев-младший.

— Надеюсь, как сосед сверху вы тихий. Потому что в данный момент, как сосед справа, вы — громкий.

— Тихий-тихий, — пообещал Алексей Андреевич, — как мышка. И засмеялся громко и искренне.

Отыскав чемодан Карениной среди набросанных на него вещей, старший лейтенант совсем развеселился.

— Ну, пойдете, товарищ капитан. Как поет отец:

*А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер,
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обширил все на свете
И все на свете песенки слышал.*

— То есть вы человек ветреный?

— Еще какой ветреный. Ураган!

Они покинули Башню. Служебный транспорт, развозивший сотрудников, потрепанный электрический «пазик» с встроенным интеллектом и развившейся электронной деменцией по имени Ярополк, или просто Ярик, — скучал на остановке.

— Ярик, в НАДО, — распорядился Алексей, затем, обратившись к Анне, добавил: — До конца рабочего дня времени много. По пути покажу, где будем трудиться.

Автобус тронулся с открытыми дверями, забыв их закрыть. Они пересекли парк, затем — огромную территорию Сколтеха, лесополосу и втянулись в лабиринт современных волнообразных строений.

— Назовите корпус, — попросил автобус.

— Четвертый.

Еще немного покружив по парку, транспорт остановился у подковообразного здания в три этажа.

— Выходить будете? — спросил автобус.

— Нет, — усмехнулся Сычев.

— А зачем ехали? Транспорт казенный. Я докладную на вас напишу, за холостой пробег.

— Ишь какой строгий. Пиши, пиши.

Лейтенант подмигнул девушке:

— Вот здесь будем служить.

— Красиво...

— Ну, поехали дальше. Эй, командир! Теперь в Левый переход, 14.

Ярик тронулся, но в двери заскочили два улыбчивых майора.

— К башням, товарищ автобус.

«Пазик» развернулся в обратную сторону.

— Ничего не поделаешь... Кто старше по званию, того и сани, — объяснил Алексей.

Доставив военных до пункта назначения, автобус отправился в Левый переход, дом 14, уже без остановок.

— Скажите спасибо, что не высадил. Я сегодня добрый, — не сдержался вредный Ярополк.

— Спасибо, колымага, — засмеялся Сычев.

— Я отцу твоему доложу, что разговаривать не умеешь.

— Он тебя на запчасти отправит.

«Пазик» от возмущения хлопнул дверками.

— Мы приехали в твой новый дом, — сказал юноша, подхватив чемоданчик Анны. Он проводил ее до служебной квартиры: — Добро пожаловать в Рай.

— Ну если папа Бог, тогда я уже на небесах, — поблагодарила Каренина Алексея за помощь, улыбнувшись.

Глава 2

Задание

Минуло два года. Анна Каренина энергично шагала по паркету сложного рисунка, вдоль стен с мотивационными стендами. Легенды Башни гласили, что зигзаги на полу отражают тайную структуру Управления. Тот, кто попытается ее разгадать, неминуемо сойдет с ума. На лестницах, в вестибюлях Управления развешано много ложных указателей. Фальшивых дверей тоже хватало. Хитроумные разведывательные мухи-роботы Империи Любви, преодолевшие систему ПВО Мирапорка, легко доверяли указателям и никогда не возвращались с заданий. На войне как на войне! Ходили слухи о потерявших рассудок шпионах, ставших призраками Башен. На одного однажды Каренина наткнулась, возвращаясь с дежурства. Привидение в форме бросился к ней с воплем:

— Help!

Девушка, собрав волю в кулак, прошла сквозь него. Но о встрече никому не рассказывала. Точно, легенды не врал.

Впервые за время работы в НАДО Каренину вызвали к руководству! «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальства» — указ Петра Великого в Империи никто не отменял. Капитан зашла в уборную, чтобы проверить внешний вид: «О чем думал Петр, употребив слово “придурковатый”?» Девушка показала язык отражению в зеркале. «Скорее всего, — решила она, — к женскому полу это отношения не имеет». Карени-

на не сомневалась: она выглядит как должно. Роскошные волосы собраны в аккуратный пучок. Форма идеально отглажена. Туфли на каблуках безупречно уставные. Выражение лица такое, которое надлежит иметь молодой красивой женщине в капитанском чине. Умное. Решительное. Готовое отдать и выполнить приказ. Почти незаметный намек на улыбку. И строгий, внимательный, все понимающий взгляд.

— Да, Каренина. Ты идеал! — подбодрила сама себя.

Она преодолела анфиладу помещений, точно зная, к кому из живых или электронных обитателей обратиться вежливо, предъяснив пропуск, а на кого прикрикнуть, чтобы не задавал глупых вопросов. Неприметная на вид, но отвечающая стандартам безопасности дверь пропустила Анну в приемную. На мраморной плите, как на памятнике, было отчеканено золотом: «Начальник Управления Мира и Порядка генерал-полковник Сычев Андрей Андреевич». Своей трагичной чернотой, яркими буквами доска выражала намерение генерала умереть, но пост не оставить. Интересно, как бы она сама смотрелась, если бы заняла руководящее кресло? Надо подумать об этой перспективе на досуге.

Адъютант начальника Авдеев, с которым Анна была хорошо знакома, кивнул:

— Тебя ждут.

Каренина не замедлила шаг, внутренне собралась, ее взгляд уподобился рентгеновскому аппарату, был готов прочесть самую заветную мысль генерала. На всякий случай еще раз одернула китель. «Почему вызвали внезапно? Сразу пригласили... На Сычева это не похоже».

— Доложите! Ешкин кот! Кто прозевал? — Раскаты генеральского баса выплеснулись на Анну, как только она зашла в кабинет: — Куда вы там смотрите, я спрашиваю?

Анна застыла по стойке «смирно», слушая, кого и зачем разносят. Генерал Сычев, покрасневший до свекольного оттенка, продолжал орать в трубку старомодного телефона, сжимая его так, как будто хотел задушить. Он заметил появление девушки, махнул рукой, что надо было понимать как приглашение занять место поближе к нему. Анна села не близко, но и не далеко от начальства.

Пока Сычев громыхал, Каренина украдкой разглядывала обстановку. Главным в интерьере был, конечно, стол-столище. На нем возлежал Змей Горыныч о трех головах из тяжелой бронзы, в каждой пасти — по старинной перьевой ручке. По назначению письменный прибор не использовался, подписывать бумаги было не принято, заверяли документы отпечатком пальца. Горыныч был личным оберегом генерала. Змея Сычеву на выпускном офицерском вечере подарил отец:

— Пусть он станет твоим ангелом-хранителем. Такой не улетит. Вишь какой тяжелый.

В кабинете по левую руку генерала стояло два телефона: красный — для приема приказов, цвета слоновой кости — для передачи команд вниз по служебной лестнице. Как-то, отвечая на удивленный взгляд Карениной, генерал пояснил несовременность аппаратов:

— Для вас старье. Для нас — традиция. Больше двухсот лет, ни разу угольного порошка в трубке не меняли. При товарище Сталине делали. Не ваши фигли-мигли — папиросная бумага! (Так Андрей Андреевич называл дорогие смартфоны, выпускаемые фабрикой «Эх, яблочко».)

На стене за спиной начальника разместились карта мира с границами сфер влияния Империй. Территории многократно перекрашивались разными цветами, местами она затерлась до дыр. По правую сторону, где раньше висели картины батальных сцен, — теперь обустроились схемы: Солнечной системы, Млечного Пути, еще чего-то грандиозного, что предполагало деление Вселенной на части Добра и Любви. Генерал отчитывался перед президентом за точность границ СССР — на Земле и в космосе. Ошибки случались. Спокойно Империи жить не могли, подозревая друг друга в кознях. Так, в прошлом месяце Любовь заявила права на Солнце, которое ранее было поделено на равные доли. В ответ Добро пригрозил погасить светило. Конфликт не разрешился, но перекинулся на галактики и туманности. Империи стремились урвать от Вселенной куски пожирнее. Для будущих битв Сычев нарисовал цветными карандашами на ватмане звездный крейсер «Победитель» с пушками, показав чертеж президенту. Волгину рисунок понравился: он отметил талант Андрея Андреевича и

отправил его переговорить с Академией наук. Ученые выслушали генерала, задав множество нелепых для умных людей вопросов:

— Это что? Гладильная доска? Она летает в космосе? И стреляет? А как?

— Вы академики, вы решайте, — огрызнулся оскорбленный в лучших чувствах Сычев.

Вечером после работы он, недовольный, делился с женой итогами встречи:

— Бездарности! Я все нарисовал. А они меня спрашивают: «Что это такое?»

Жена понимающе вздохнула и попросила Андрея Андреевича вынести мусор в дворовый плазменный утилизатор.

Рисунок Сычев повесил дома, на кухне. Иногда после ужина он с супругой мечтал о том, как крейсер стартует с военной лунной станции «Салют», нарисованной простым карандашом и приколотой рядом с «Победителем».

Анна посмотрела на Сычева — он все еще рокотал в трубку, словно баллистическая ракета на старте. На другом конце провода абонент, чувствуя уготованную судьбу, молча ждал приговора судьбы. Каренина продолжила осмотр кабинета.

Вдоль прохода грустили снятые со стен полотна. Работы относились ко времени написания «Изгнаний» и принадлежали кисти Шмякина. Возможно, это были эскизы фресок, выполненные до трагического поворота в судьбе художника.

Первая картина называлась «Князь Олег рисует границу Руси»: на ней были показаны русские ратники среди пирамид и египтяне, склонившиеся перед витязями. Князь длинным деревянным железом, отобранным у жреца, проводил на песке черту между Русским и Египетским царствами. Второй сюжет — «Миклухо-Маклай принимает в Русское подданство землян». На полотне бородатый мужчина вручал документы голым аборигенкам: одной рукой он подавал паспорт с печатью, другой — банан. Третья сцена, наиболее любимая Сычевым, изображала красный длинный прямоугольник и называлась «Красная Армия». Четвертая работа была эскизом. На ней виднелись следы борьбы художника с формальным искусством. Шесть вполне интеллигентных существ в костюмах с портфелями вместо головы стояли вдоль Кремлев-

ской стены. На переднем плане, разбросав ноги в стороны, лежал попой вверх боец в буденовке и с пулеметом. Размашистым почерком холст был подписан «Смерть белогвардейской комиссии!».

Сквозь высокие окна с раздвинутыми шторами из коричневого бархата в кабинет падал дневной свет. Посреди полированной поверхности столица покоилась серая шкура носорога, которого Черномор застрелил на озере Виктория, спасая Сычева. Конфликт случился, когда животное отказалось прокатить генерала. Голова зверя висела здесь же, над входной дверью. Выставленный рог, сердитые черные шарики стеклянных глаз оценивали посетителей, как бы подчеркивая, что он, хозяин кабинета, шутить не любит.

Наконец Андрей Андреевич завершил разнос, швырнул трубку, вытерев багровую лысину белоснежным платком. Взглянул на Анну, немедленно вставшую по стойке «смирно», изобразившую предельное внимание.

— Каренина! Здорово живешь. Явилась — не запылилась. Как там Сычев-младший?

— Здравия желаю, товарищ генерал. Алексей Сычев — отличный боец.

— Ну я рад, что вы спелись. Есть у меня одно дельце для вашей банды... Не подведете меня?

Задав вопрос, Сычев выжидающе посмотрел на Каренину.

— Товарищ генерал. Можете на нас положиться.

— Ну, попробую, — удовлетворенно хмыкнул генерал.

В селекторе послышался голос адъютанта:

— Андрей Андреевич! Фадеев подошел.

— Пусть войдет.

Дверь открылась. Вошел полковник, непосредственный начальник группы № 2 и остальных оперативных отделений. Он был ненамного старше Сычева, простое русское лицо с курносом носом украшали бакенбарды и гусарские усы. Полковник отличался уравновешенным характером и имел единственный недостаток — любовь к вяленой рыбе, от которой его кабинет приходилось постоянно проветривать.

— Садитесь, товарищи! Дело государственного значения. Надеюсь, про проект «Кольцо» в общих чертах слышали?

Анна утвердительно кивнула, начальству виднее, слышала она или нет.

— Теперь о деталях. Научным руководителем является академик Кондратьев — ректор Сколтеха, президент Академии наук. Человек известный, автор этого околосемного сооружения. В его ведомстве появился новый сотрудник — Кошка Николай Георгиевич. Он включен в реестр НАДО и передается под наблюдение группы № 2. Теперь самое важное: Кошка — и есть Спаситель.

— Спаситель чего? — уточнила Анна.

— Ваш! Говорю же, Спаситель. — Сычев-старший остался недоволен умалением поручаемого молодому капитану задания. — Вся Империя молится на него, а вы даже не в курсе.

Каренина вспыхнула:

— Я неверующая, товарищ генерал.

— Дура ты, а не неверующая, — отрезал Сычев. — Не понимаешь, о чем речь.

Анна замолчала, аргументов «против» не было. Генерал нажал на кнопку вызова адъютанта. Тот появился в ту же секунду.

— Вызывали?

— Авдеев, иди сюда, — приказал генерал. — Я в этих компьютерах ни черта не смыслю. Прикрепи Спасителя к группе № 2.

Адъютант подошел к столу, склонился над клавиатурой, произвел нужные манипуляции.

— Готово.

— Ну-ка, покажи. Так-так-так... регистрационный номер... хрен поймешь... числится за тактической группой № 2 — Каренина, Сычев.

Генерал дождался, пока адъютант закроет за собой дверь, обратился к Фадееву:

— Продолжим. Алоиз Маратович, освободите группу от всех текущих дел. Пусть ведут одного Кошку.

— Есть — отрапортовал полковник.

— Вы, Каренина, проследите, чтобы ни одна сволочь не подошла к вашему Спасителю. — Сычев снова сделал упор на «вашему Спасителю», так что до Анны сразу дошел сокровенный смысл. — Ближе, чем на один километр! Лучше — пять. Вообще спрячьте с глаз долой, а то мало ли, всякое может случиться.

— Будет сделано. — Она встала, своей решительностью подчеркивая понимание ответственности.

— Садитесь. Да... Лучше, как я сказал, спрячьте его. Пусть работает где-нибудь в бункере. Фадеев, где у тебя бункер со всеми удобствами? — Генерал взглянул на полковника.

— На Шпицбергене, — ответил тот.

— Отлично. Ему хорошо, нам спокойнее. Спаситель должен сидеть. А не висеть, прости, Господи! Верно?

— Верно! — хором поддержали Анна и Алоиз Маратович.

— Можете идти.

Каренина с Фадеевым вышли из кабинета.

— Следуйте за мной, — обратился полковник к Анне. — Продолжим инструктаж.

Ярик доставил их из Управления в Агентство. На просьбы других сотрудников остановиться Ярополк не реагировал — знал, кого везет.

— Посторонись! Жди следующего, — бросал он в сторону возмущенных пассажиров, ожидавших посадки.

Добравшись до места, «пазик» высадил Фадеева с Карениной, но стоило им сделать два шага в сторону здания, как машина обратилась к полковнику:

— Товарищ начальник, разрешите просьбу?

— Что тебе? — невозмутимо поинтересовался тот.

— Мне бы мигалку и сирену.

— Мысль хорошая, но смешная, спрошу завхоза.

Автобус посигналил в знак благодарности и отъехал. Полковник с поспешающей за ним скорым шагом Анной прошел в «Электрощитовую» — свой кабинет. На двери висела табличка «Не входить — убьет!» с молнией. Пахло здесь, как всегда, рыбой. «Скумбрия», — решила Анна.

— Зови Сычева, — приказал Алоиз Маратович. — Где он у тебя?

Анна набрала напарника по телефону:

— Алексей? Ты где? Давай бегом к товарищу полковнику.

— Чего еще? — спросил сонный голос Сычева-младшего.

— Сычев! Доиграешься, — рявкнул рядом Фадеев.

Через десять минут раздался стук в дверь, перед ними появился Алексей с вихром и спутанными волосами.

— Здравия желаю, товарищ полковник! Как раз к вам шел.

Фадеев усмехнулся:

— Привет от папы! Что, спал? Присаживайтесь оба. Вам поручается первое боевое задание за годы сна, — полковник осуждающе осмотрел юношу, — и безделья. Десять лет назад Империя начала строить на орбите Земли секретное сооружение. Объект вышел слишком грандиозным — скрыть «Кольцо» от любопытных глаз не получилось.

— Так какой же он секретный? — удивился Алексей.

— Секретный. Под прикрытием. Населению планеты объявлено, что мы делаем установку для фейерверка к Олимпийским играм. Слышали об этом?

— Об этом слышали, — ответила группа № 2.

— Ну и как, верите?

— Да.

— Вот и отлично! Моя идея, а как работает. С одной стороны, проект считается замороженным, научная теория оказалась неверной. С другой, открыт — появился гений, нашедший ошибку, и все завертелось вновь. Управление считает его Спасителем. Нам не надо, чтобы евреи вновь учинили над ним самосуд. Отдалили от нас, так сказать, пришествие Царствия Небесного. В общем, мессия отдан вашей группе для охраны от похищения, вражеских диверсий и всяких напастей. Завтра в 8.00 встречаемся на площадке для прошивки Кошки. Если с ним что случится, вы отправитесь туда! — Фадеев указал пальцем вниз, где располагалось место упокоения неисполнительных работников. — А я туда! — Фадеев ткнул пальцем вверх, где обретали покой исполнительные.

— А остальные наши подопечные? — спросил Сычев-младший.

— Они с вас сняты. До конца дня входите в курс дела. Ясно?

— Ясно, — хором отозвались Анна с Алексеем.

— Доступы в Сети Управления со всей детализацией по «Кольцу» открыты: цели, списки, явки, враги... Изучить, ориентироваться в материале. Бегом марш!

Команда, окрыленная поручением, вылетела из кабинета.

Надо сказать, что задача работы групп заключалась в контроле за главным ресурсом Советского Союза — умными людьми. Такой человек учитывался в реестре НАДО как «глюк» (главный людской

контент) и получал номер. Каждая мысль глюка охранялась патентом Империи и называлась — «пат». Глюки делились на научные («наглюки») и ненаучные («неглюки»), которые ценности не представляли. Патенты продавались внутри Союза и экспортировались за рубеж. Торговля идеями приносила «сумасшедший» доход Империи. Тела ученых-тантов «прошивали», вводя физраствор с нанороботом, который нумеровал мысли. После краха идей становилась невозможной. Все гениальное — просто. Глюки хранились в виртуальном подвале Пи, на сакральном Вишневом Дубе. Вишневым он звался оттого, что капсулы с патентами наглюка походили на плоды вишни. Со временем, обрастая информацией, тоненькое дерево превратилось в ветвистый, могучий Дуб, ценный хранимой на нем информацией.

Группа № 2 торопливо шла по коридорам НАДО. Обычно в отделениях числилось по четыре человека, но в № 2 — двое. Сычев-старший ревниво следил за карьерой сына.

— Ну, Сычев, доигрались, — обеспокоенная новым заданием Анна в упор взглянула на Алексея.

— Почему это? Прославимся. Папа не стал бы поручать мне, ну и тебе, конечно, ерунду. Дело пахнет повышением. Бежим по карьерной лестнице наверх.

Молодые люди, добравшись до рабочего места, включили оборудование для погружения в виртуальное пространство Сети. Следуя инструкциям полковника, нашли материалы для ознакомления. Каренина сразу поняла: дело трудное, даже безнадежное. Алексей пытался сообразить, как с ним поступить:

— Ох, отстали мы от прогресса.

Девушка вывела содержимое папок на стеновую телевизионную панель для общего просмотра. Их удивил возраст Спасителя — 18 лет. Школу окончил на отлично, но без золотой медали. В прошлом сентябре, едва поступив в университет, Николай Кошка сразу его окончил, будучи принятым на работу в проект «Кольцо» по прямому указанию Кондратьева. Вундеркинд! Анна попробовала прочесть его статью в научном журнале, но ничего не поняла. Одна высокомерная, занудная математика.

— Алексей! Какие мысли по поводу юнца?

— Я думаю, он гений.

— Почему медаль в школе не дали?

— Сговорились. Умных никто не любит! У меня так было.

— Медаль не дали?

— Да, хотя могли бы, если б захотели. Вот как ты считаешь, я умный? — спросил Сычев.

Каренина хмыкнула.

— Сама видишь, умных не любят, — убежденно сказал Алексей.

— Ладно, умный ты, умный.

Сведений о проекте было чересчур много.

— Вот я удивляюсь, секретный объект, а написали-то бумаг видимо-невидимо. — расстроилась она. — По секретным объектам все надо держать в голове и ничего не писать. Людей не мучить.

Капитан разделила документацию на две части: с картинками взяла себе, остальное сунула Сычеву. С полчаса они копались в схемах и текстах.

— Все, больше не могу. Сахар в крови кончился. Хочу мороженого, — посмотрев на часы, заключил Алексей.

— Да, верно. В голодном теле — злой дух. Надо поесть, — подержала Анна, и они отправились в столовую.

Блок питания состоял из нескольких залов с окнами до потолка. Голоса, звон посуды, гудение вентиляции — все это сливалось в единый непрерывный шум. Алексей пристроился к приятелям. Каренина придирчиво осмотрела выложенные блюда.

Выбор первого невелик: солянка, рыбный, без глютена, овощной, крабовый, черноморский с рапаном, харчо, борщ. На второе: пюре по-псковски, каша по-тамбовски, тушеная капуста по-питерски, сардельки московские, шницель по-мински, треска по-астрахански...

Когда очередь добралась до Анны, рядовой срочник на раздаче приступил к поиску в жидком борще мяса и овощей — по ее указанию.

— Я чего-то не понимаю. Ты самое густое наливаешь начальству? Если так, то ищи. Мне воды не надо!

— Так ведь очередь...

— Очередь подождет.

Ожидающие весело переговаривались. Анну не трогали, зная ее скорую на расправу руку.

— Корову ты ей поищи, — кричал кто-то, смеясь.

— Или котлету.

И понеслись шутки. Наконец тарелка с супом наполнилась горкой мяса и вареной капустой.

— Ведь никому борща не оставила.

— Не заслужили, — бросила Анна через плечо и отошла к свободному столику. — «Суп, не достойный своего имени, просто капустник какой-то!» — подумала про себя. Борщ Каренина 2.0 любила больше всего с зеленью и дольками чеснока.

Но съела все, после чего недовольно отодвинула пустую тарелку.

Жалобная книга была заполнена ее требованиями к качеству блюд, но, похоже, писала и читала ее только она сама. Автор супа упорно избегал ответственности, поскольку однажды, негодуя за испорченный символ Отечества, Аннахватила повара половником.

— Что-то вы, Каренина, много пишете! — сказал ей обиженный начальник кухни. — Уж не хотите ли вы обогнать самого Толстого?

Книга жалоб после инцидента исчезла.

— Как правильно приготовить борщ? — донесся веселый голос Сычева из-за соседнего стола. — Взять сто килограмм женщины, поставить у плиты. Варить до готовности.

Сотрапезники дружно захохотали.

Анна нахмурилась: приматы и ротозеи.

— Сначала женись, а потом ставь к плите, — ответила она.

Генеральский сын обожал Анну. Всегда и всем демонстрировал, что капитан с фигурой фотомодели и огромными глазами его личный начальник, которого он ревниво оберегает, — для себя. Поручения Карениной он исполнял беспрекословно и с охотой.

— И почему сто килограммов женщины? Вам следует поработать над чувством юмора, Алексей Андреевич. Обед закончен.

— А компот?

— Компот можно.

Как обычно, подремав после перерыва, оперативники изучили связи Кошки, Кондратьева и тех, кто имел отношение к проекту. Изучили двухсотлетнюю историю создания суперкомпьютера —

за это время он эволюционировал из первобытной «Электроники-60» в цифрового монстра. Со стороны Правительства «Кольцо» курировал Богли Эстом Оливерович — имя вице-преьера СССР, часто мелькало в прессе в заметках об успехах советской науки. Богли окончил математический факультет Сколтеха, но Анна не нашла в архиве его диплома.

— Наши клиенты, — поделилась она с Алексеем, — необычные люди: Кошка без высшего образования, но с дипломом, а Богли без диплома, но с образованием.

— Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.

— Алексей Андреевич, вы, оказывается, образованнейший человек.

— Да, внешность бывает обманчива, — засмеялся Сычев-младший.

Ознакомившись с доступными разумению документами и отложив непонятное, группа № 2 закончила рабочий день пораньше.

— А то знаете, Анна Аркадьевна! Как говорит отец, жизнь проходит незаметно, как лето. Пойдем проветрим мозги в парке, — предложил Алексей, — первая встреча с наукой трудна, вторая безнадежна.

— Пойдем, — легко согласилась девушка.

Анне нравились пешие прогулки от Агентства до дома, если позволяла погода. Она проходила длинный путь не торопясь, разглядывая все, что окружало ее на пути. Почти всегда за ней увязывался старший лейтенант. Вот и сегодня команда вышла вместе, решив сделать круг по парку Кластера.

— У тебя, старший лейтенант, какая мечта? — спросила Анна.

— Стать генералом.

— Как папа?

— Почему обязательно папа? Просто генералом. Ну, может, фельдмаршалом или министром обороны. Плох тот солдат, который не знает, чего хочет!

— Согласна. Мечта у тебя хорошая, Алексей Андреевич. Откуда ты ее взял?

— Да как-то шел, смотрю мечта лежит, подобрал. А у тебя есть мечта?

- Есть.
- Какая?
- Хочу влюбиться.
- Это сложно, тебе нужен мастер-наставник. Курс обучения и сертификат. Обращайся!
- К тебе, естественно?
- К кому же еще?
- Ладно, подумаю. Ну, разобрался в «Кольце»?
- Нет.
- Коротко, но честно. Зато я поняла.
- Так у тебя-то было два листочка, все с картинками! Остальное мне подсунула...

Они уже давно перешли на «ты».

— Рассказываю. «Кольцо» — это огромный ускоритель частиц, который опоясывает Землю, подобно кольцам вокруг Сатурна. Первый аппарат, адронный коллайдер, был построен в XX веке в Швейцарии.

— Ты запомнила название?

— Я профессионал. В общем, это сооружение взорвалось тогда вместе со Швейцарией. Все решили, что случился конец света — это мы в школе проходили.

— Да? Но я... Я все детство гонял на багги. Отличная вещь. У меня две штуки в Каракумах стоят. С ракетами, между прочим. Там отец служил. Ну, дальше... Зачем это «Кольцо»?

— Оно позволит получать бесконечную энергию из пустоты.

— Прикольно. Кто это придумал?

— Кто придумал — написано в твоей части. А идея такая: вещество состоит из молекул, молекулы — из атомов, атомы — из ядер, электронов, ядра — из кварков и маленьких штучек. Все это вместе — никогда не затухающие волны.

— Ясное дело. Ежу понятно.

— Волны совершают колебательные движения, как в море, их невозможно остановить. Вообще никак.

— Дальше.

— Если «оседлать» волну, мы получим источник энергии. В Швейцарии не получилось, теперь вокруг Земли построено

«Кольцо». Из Индии или Африки его хорошо видно. Только представь — по небу тянется труба.

Она достала смартфон, показала фотографии с экватора.

— Только помни, что сказал Фадеев — проект секретный! Если разболтаешь — сам знаешь, где срок отбывать.

— Почему это я разболтаю?

— Так, предупреждаю: старший по званию всегда прав. Из нас двоих разболтать можешь только ты.

— Но ты забыла о папе! Он будет решать, кто из нас разболтает.

Пробывая в приподнятом настроении, они незаметно дошли до дома.

В жилой зоне Кластера кричали, бегали по тротуару, катались на самокатах, не соблюдая никаких правил, дети. Анна с возмущением подумала, как утомительна человеческая суетность. Почему гражданские не ходят строем? В детском доме им сразу сказали: дети должны молчать. И сестры молчали. Иногда было так тихо, что воспитатели не знали, где их искать.

На лестничной клетке Алексей простился и пошел к себе.

Каренина существовала между работой и квартирой, редко выходя в Москву. Только недавно Управление насильно, с подачи Сычева-младшего, как нетрудно было догадаться, отправило ее на конкурс красоты, где она победила. Но иного результата Анна не ожидала, поэтому восторга не испытала. Только удивилась тому, как серьезные люди из Правительства могут заниматься оценкой «макак из зоопарка». Большой интерес, лично у нее, вызвала бы олимпиада раздетых министров. Розовую ленту «Московская красунья» она вручила Алексею.

— Спасибо тебе, Сычев, за заботу, ленту носи на работу. Звание ты заслужил. Но в следующий раз пойдешь сам, пусть отец на тебя посмотрит, — посмеялась она над сослуживцем. Кубок Анна оставила на стенде Агентства, где выставлялись спортивные награды сотрудников.

С состязания Каренина оставила цветы. Анна их обожала, они были ее друзьями в однообразном житье. Из детства она помнила Дюймовочку, сохраняя в себе историю девочки из бутона

тюльпана, словно и она пришла из сказки. Это наполняло ее душу теплотой, когда жестокий мир напоминал, что она клон. В квартире Карениной было много комнатных растений. Целая оранжерея. Вместе с ними у Анны жил кот-мутант Леопольд, подобранный котенком в лесопарке Мирапорка. Лео сбежал из мастерской Сколтеха, но клялся, что его выбросили. Он отлично говорил по-русски. Был грубоват в беседе и не особо разговорчив, зато ласков. Анну это устраивало, иначе она выставила бы Лео за дверь. Цветом шерсти кот походил на известного в Управлении попугая Жору — матерщинника и вольтерьянца. Совпадение окраски наводило на мысль, не является ли Жора генетическим отцом котенка. Уж больно характеры родственны. Птица могла сказать Сычеву-старшему: «Попка — дурак!» — и остаться на службе в Управлении. Попугай жил в клетке, в медкабинете психотерапевта. Однако у сотрудников Кластера сложилось мнение, что за вольнолюбивым характером Жоры скрывался стукач.

Кот, услышав шорох в коридоре, встретил хозяйку на пороге.

— Что, зеленый, скучал? — Анна нагнулась, потрепав того за ухом.

Леопольд потерял о ноги и вернулся на свое место.

— Включи телик, — раздался из гостиной его хриловатый голос.

— Ты голоден? Не простудился?

— Нет.

Анна поужинала. Приготовила ароматный травяной чай, который сейчас был в моде, — «Камчатский № 5». Считалось, что напиток помогает сохранять спокойствие, повышает интеллектуальные способности, разглаживает морщины. На упаковке указаны разнообразные целебные свойства и витамины. Крупно написано: «Каждая заварка продлевает жизнь на полгода». Каренина еще не решила, насколько это ей необходимо, но готовила чай ежедневно.

Она красиво расставила на маленьком столике заварочный чайник с причудливой золоченой чашкой от дорогого сервиза, которую купила в антикварной лавке в Старой Москве. На чашке, потертой временем, был изображен рыцарь с мечом и крестом в

руках. У ног крестоносца, мечтательно глядя ему в глаза, лежала русалка.

— Девушки во все времена ждут принца на белом коне, — сказал ей тогда продавец.

— Я не жду, — возразила Анна в тот самый момент, когда антиквар пытался изобразить из себя принца. Реплика Карениной не оставила ему шансов на знакомство, с чем он смирился.

— Но цена-то небольшая.

Каренина чашку купила.

Она налила отвар, погрузилась в мягкое кресло из магнитных полей и зависла в воздухе, задумавшись. Кот лакал травяной чай из блюдца. От сбора шел легкий флер валерианы. Потом Леопольд упал на мягкую подстилку, вытянулся и заснул.

Глава 3

Дурга

На Каренину нахлынули воспоминания... Однажды — сколько раз в жизни случается «однажды»? — она посетила гадалку, которую рекомендовала вахтерша в общежитии. Бабулька подозвала ее и в ухо зашептала:

— Каренина! Фамилия-то у тебя больно опасная. Соседка у меня появилась — гадалка. Будущее предсказывает. Сходила бы. Боюсь за вас, глупеньких.

Тогда Анна удивилась. Она не слышала о существовании магии.

— Зачем мне это?

— Зачем-зачем... Кто еще расскажет, какова твоя судьба? — ответила вахтерша.

О перспективах Анна не задумывалась. Она жила, училась, ела, спала. Именно таким будет и завтра, и послезавтра.

— Что там, в будущем?

Вахтерша махнула рукой:

— Какое у меня будущее, и так понятно. Прогодала я его...

Каренина подумала, что грядущее реально и отличается от прошлого с настоящим тем, что его следует направить в нужное русло. Если пустить дело на самотек, то можно оказаться на ме-

сте консьержки. В планы Анны такое саморазвитие не входило. Выбрав выходной, девушка отправилась по указанному адресу. Заранее опасаясь встречи с неизвестным, Анна вычитала, на что способны ворожеи. Шла как на встречу с мошенницей высокого класса, ожидая подвоха.

Ее встретила милая полная черноволосая женщина, тут же всплеснув руками:

— Каренина. Вылитая Каренина! Даже лучше. Давайте познакомимся. Вы Анна, я Эсмеральда, можно и проще — Эмма. — Она улыбнулась. — Я вас такой представляла. Не как у Бондаренко — не поймешь: то ли баба, то ли мужик в главной роли... Что за культура нынче, смотреть страшно.

— Да я по фильмам не большой специалист. Вот живу, в кино никто не приглашает. У меня секретность... между нами.

— Раньше девушки были загадочны, а теперь секретны! Пойдем, попробуем тебя рассекретить.

Эмма взяла ее под руку, как подружку, провела в комнату.

Реальность встретила Каренину смещением резких, приторных запахов и плотно висевшим дымом от курительных палочек. В углу затемненной гостиной стояла внушительная фигура многорукой танцовщицы, балансирующей на правой ноге, а левой наступив на грудь раздетого воина. Напротив возвышалась статуя бородатого мужчины в темном одеянии с облупившейся росписью в виде птичьих перьев и змеей на лбу.

— Вот мое магическое хозяйство! Садись в это кресло. Положи голову на спинку, расслабься, ни о чем не думай. Какой твой знак по гороскопу?

— По чему?

— Что ж у тебя за образование такое? В школе, что, не гадали?

— Нет. У меня школа военная была.

— Ох ты какая, военная! Когда у тебя день рождения?

— 1 января.

— Завидую тебе, Козерог — это знак созвездия, под которым ты родилась. Ты в судьбу или Бога веришь?

— В судьбу?.. — Анна задумалась, какая у нее может быть судьба, если она из пробирки. — Вот в Бога точно не верю. — И добавила: — Я неверующая.